



## БОЖЬЯ ИСКРА

Я завидую журналистам уже потому, что они в отличие от писателей хоть что-то пытаются решить в этом мире с помощью пера.

*Уильям Сароян*

Чем ближе к семидесяти, тем чаще одолевают меня думы о моих коллегах по писательскому, публицистическому, журналистскому цеху. Точнее, думаю о молодых. О начинающих. О мечтающих. О юношах и девушках, реально и осязаемо чувствующих в себе, как говорится, «божью искру» профессионального литератора. Каждый раз, когда я читаю всякие гадости и мерзости о журналистике, о профессии журналиста, о том, что журналистика — это организованное злословие, что журналистика — это искусство объяснять другим то, чего сам не понимаешь, что журналистика — это способ выживания для зауряднейшего человека, словом, когда читаю все эти обобщения, сердце обливается кровью. Разумеется, подобного рода хлесткие высказывания можно адресовать и представителям многих отраслей человеческой деятельности, а также жанров литературы, искусства и культуры вообще. Однако, те, кто делают обобщения, мягко выражаясь, берут грех на душу. Непростительным можно считать и то, что грязь льется на саму профессию как таковую.

Спору нет, возможно, журналисты больше всех дают повод для злословий. С одной стороны, думаю, речь идет о самой специфике работы газетчика, с другой — очень часто виноваты бываем мы сами. Ибо, нарушая законы профессиональной этики, вольно или невольно оскорбляем достоинство читателя. Не случайно больше всего иронизируют по поводу журналистов высокие чиновники, которым чаще всего достается от них. Как только они не клеймят в таких случаях журналистов! И «продажные шкуры» и «наемники желтого дьявола», и «падкие до сенсаций»... Наполеон называл журналистов «чистильщиками улиц». Хорошо известно, что сами жертвы реагируют на это по-разному. Чехов, например, выработал для себя принцип: «Презрительное молчание». На

мой взгляд, тоньше и философичнее всех откликнулся на «бульварные» публикации о себе известный английский писатель Гилберт Кит Честертон: «Главный грех журналистики в том, что в своих статьях газетчик выставляет в ложном свете себя самого».

Недавно я встречался со студентами факультета журналистики Ереванского государственного университета. Серьезно готовился к встрече. Составил конспекты. Думал, что буду беседовать с небольшой группой студентов, или, говоря школьным языком, — с классом, а тут вдруг — целый зал, битком набитый в основном девушками. Мгновенно прикинул в уме: родились они примерно за три-шесть лет до начала Карабахского движения. Значит, им восемнадцать-двадцать один. Как выяснилось, я не ошибся. Абсолютно, если не сказать — качественно новое поколение. Я волновался. И причина была в том, что, как сейчас модно говорить, формат встречи оказался другим. Менее интимным, менее камерным, а, стало быть, менее творческим и менее непосредственным. Два академических часа пролетели незаметно, и на вопросы-ответы осталось времени с гулькин нос. Успел ответить лишь на несколько вопросов. После в кабинете декана факультета, безмерно уважаемого мной Гарника Ананяна я признался, что очень хотелось нацелить юных коллег на будущее, на попытку самим раскрыть некоторые вечно актуальные для нашего народа публицистические темы.

Я смотрел на лица студентов — будущих моих коллег — и думал о том, что несомненно, некоторым из них доведется публицистически разработать и с помощью такого сильного оружия, как общественное мнение, решить многие проблемы. Позволил себе перечислить некоторые из них. Вот там, в кабинете у Гарника Ананяна, пришла мне в голову идея попытаться в печати обнародовать хотя бы некоторые из этих тем, из этих проблем, требующих своего разрешения. Из тысячи и одной возьмем лишь три-четыре, как говорится, лежащих на поверхности, о которых мы не раз уже говорили в этой книге, однако есть темы, о которых говорить нужно до тех пор, пока проблема остается неразрешенной. Не бойтесь повторов, бойтесь неразрешенных проблем.

...Территория Республики Армения составляет 29 тысяч квадратных километров. В 1920 году, как известно, всего четыре процента этой крохотной площади были, что называется, от Бога плодородными. За годы советской власти благодаря госу-

дарственной программе освоения и окультуривания земли площадь увеличилась в два с половиной раза; то есть в канун распада СССР плодородные земли составили уже целых десять процентов. Еще девять процентов территории Армении — лесистые. Остальное — горы, камни, солончаки. Напомним и то, что на этом крохотном участке родины расположено около 1100 населенных пунктов, в том числе Ереван, Гюмри, Кировакан, Абовян и другие.

Рядом с каждым из них находится кладбище, самое священное место для армянина. Только за последние полвека общая площадь ереванских кладбищ выросла более чем в десять раз. Кстати, все они расположены на плодородных землях.

С каждым годом разрастаются кладбищенские территории. Опустим тот факт, что в нарушение национальной и даже христианской традиций вместо скромных могильных плит, на которых наши предки лапидарно высекали какую-нибудь мудрую мысль, появились целые мраморные строения. Поговорим о том, что, особенно в последние годы, в нарушение уже не традиций, а закона, отхватывают огромные площади под «модные» семейные склепы. Нетрудно подсчитать, что в ближайшие двадцать-тридцать лет проблема нехватки земли под кладбища станет не только актуальной, но и драматической.

Есть над чем задуматься и законодателям, и правительству, и интеллигенции, и, конечно, журналистам, которым, хотим того или нет, придется первыми поднять этот вопрос и первыми последовательно добиваться его решения. Разумеется, не дай Бог, как это часто у нас бывает, как это было с ликвидацией парников и оранжерей, удариться в другую крайность и позволить себе хотя бы упрекать кого-либо за то, что они уже «обустроили» могилы своих близких или потратили средства на сооружение семейного склепа. Те журналисты, которые в будущем поднимут эту тему, должны знать, что она очень тонкая, очень деликатная. И надо тщательно готовиться к решению такого и подобного рода вопросов. Одно не вызывает сомнений: жизнь сама заставит решить его. И чем раньше возьмемся за это нелегкое дело, тем легче будет одолеть его.

\* \* \*

...Предвижу время, когда вся наша журналистская братия дружно возьмется за срочное проведение в «автомобилизиро-

ванном» Ереване такой сложной «хирургической» операции, как своеобразное аорто-коронарное шунтирование. Уже сейчас у столицы Армении появились тревожные симптомы «стенокардии» из-за «спазмов» улиц города. Не следует надеяться на то, что кто-то другой займется пророчеством и упредит беду, в которой окажется Ереван. Предвидение, как показывает жизнь, — удел оракулов, поэтов и... журналистов, которые, по признанию Уильяма Сарояна, «заботясь о светлом настоящем, думают о светлом будущем». Уже сейчас появляются статьи, в которых выражается беспокойство по поводу того, что в Ереване пустыри в спешном порядке застраиваются большими зданиями, что сносятся хибарки и на их месте возводятся многоэтажки. Словом, уплотняется и уплотняется город. При этом мало кто думает о том, что рядом с новостройками должна будет пристраиваться целая прорва машин. Об этом уже пишут журналисты. Но пишут мало. Не надо ждать, пока проблема перерастет в беду.

...Нельзя придерживаться ложного принципа, который сводится к тому, что, мол, «мы об этом писали», мол, «сколько можно?». Писать следует столько, сколько существует проблема. Другое дело, что в каждой очередной публикации нужно найти новый подход, свежую мысль, продолжение поиска решения вопроса. Вот только один пример: свадьба. Речь не идет о сватании или венчании, или о процедуре оформления брака в ЗАГСе. Речь идет о самой свадьбе как традиционном застолье. В старину к ней готовились годами. Думали не только о приданом для невесты, но и о профессии для жениха, который должен самостоятельно вести хозяйство и прокормить семью. При этом, как уже рассказывалось в этой книге, не забывали о том, кто будет тамадой на свадьбе. О чем он будет говорить? Летописцы отмечали, что свадьба зачастую превращалась в урок наставлений, урок мудрости, урок добрых советов. Все это, конечно, само по себе мало может интересовать журналиста, пишущего на современных темы. Но вот то, что в наше время творится на свадьбах по части ее звукового оформления — это уже страшная проблема. В относительно тесном помещении устанавливаются динамики, рассчитанные на стадион «Раздан». Включаются они на самую высокую мощность. Часами сотрясает воздух убийственный шум, создается жуткий дискомфорт.

Говорят, огрехи своих творений архитекторы пытаются «прикрыть»... деревьями. Ну, это еще куда ни шло. Дерево —

вещь полезная, особенно для горожанина. Но когда бездарный музыкант отсутствие своего таланта прикрывает чудовищными децибелами — это уже опасно не только для ушей. Журналисты должны знать, что такие проблемы невозможно решать законами, запретами и прочими табу. Необходимо создать ответственное общественное мнение, которое бывает очень даже чувствительным ко всему разумному. И, глядишь, постепенно проблема разрешится.

\* \* \*

...В недавнем прошлом пишущим и говорящим запрещалось писать и говорить о многом. К примеру, о запасах не только урана, но и золота, о количестве наркоманов и алкоголиков, о проституции и о сексе. Сейчас, слава Богу, настали другие времена, у нас цензуры как таковой нет. Хорошо это или плохо — другой вопрос. Иоганн Вольфганг Гёте заметил, что цензуры требуют лишь могущественные, которые ее и осуществляют, а вот слабые нуждаются в свободе слова. Но вот Томас Джефферсон, один из создателей государства США, упорно настаивал на своей точке зрения: «Ни одно правительство не может существовать без цензуры, ибо там, где печать свободна, никто не свободен». У меня лично особое отношение к цензуре. На протяжении долгих десятилетий я страдал от цензуры, которая даже в истории, в которой содержалось, скажем, всего два аспекта, она старалась разглядеть целых три. Цензоры, как правило, вычеркивали именно ту мысль, ради которой ты брался за ту или иную работу. И поэтому цензуру я называл палачом. Кстати, Бернард Шоу выразился еще четче: «Убийство — это крайняя форма цензуры».

И все же цензура должна быть. Речь не только о запрете на разглашение государственной или военной тайны. Речь о собственной совести и этике как самых надежных цензорах, которые никогда тебя не подведут. Не забуду, как во время встречи со студентками одесского Института иностранных языков, отвечая на вопрос о цензуре, Уильям Сароян долго рылся в своей записной книжке и потом прочитал: «Цензура, подобно благотворительности, должна начинаться в семье. Однако, в отличие от благотворительности, она там должна и заканчиваться». И добавил: «Для меня цензура — это уроки моей матери, которые она давала мне до семи лет».

Думается, не следует пользоваться свободой слова как оружием, а надо дорожить ею как богатством, как неким достоя-

нием. И главное, никогда не оскорблять в печати достоинство человека.

Надо суметь отказаться от соблазна даже на мгновение почувствовать себя таким прокурором, судьей или истиной в последней инстанции. Журналисту, по логике жизни, ближе роль солдата, нежели генерала. Журналист в силу своего призвания осознает, что патриотизм — это не только уважение к историческому прошлому отечества, но и беспокойство за будущее, стремление искоренить социальные пороки общества. Он, как никто другой, твердо знает, что с совестью можно еще заключить перемирие, но прочный мир — никогда.